

Anacharsis
1/1 (2026), 160–178
© The Author(s) 2026

Анахарсис
1/1 (2026), 160–178
© The Author(s) 2026

DOI: 10.32608/3033-9448-1-1-160-178

ПОЗДНЯЯ ТРОИКА ДЛЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ: НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ О.В. СМЫКИ*

И.Е. Суриков

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Аннотация: Посмертно были опубликованы три книги переводов из античной и византийской литературы, выполненных О.В. Смыкой; многие из этих переводов увидели свет впервые. В данной заметке рассматриваются тексты из этих книг, авторы которых (от Флавия Филострата, II–III вв. н.э., до Иоанна Цецца, XII в.) обращались к событиям Троянской войны. Подчеркивается, что целый ряд памятников, которые ранее были недоступны русским читателям, не владеющим классическими языками, теперь благодаря О.В. Смыке может войти в круг их чтения, и это следует только приветствовать.

Ключевые слова: позднеантичная литература, мифология, Троянская война, О.В. Смыка, переводы

LATE TROIKA FOR RUSSIAN READERS: AN UNFINISHED PROJECT OF O.V. SMYKA

Igor E. Surikov

Institute of World History of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia

E-mail: isurikov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2603-6146

Abstract: Three books of translations from ancient and Byzantine literature by O. V. Smyka were published posthumously; many of these translations appeared for the first time. This note deals with texts from these volumes whose authors, ranging from Flavius Philostratus in the second–third centuries CE to John Tzetzes in the twelfth century, treated events of the Trojan War. The note emphasizes that a number of works that had previously been inaccessible to Russian readers without knowledge of the Classical languages can now, thanks to O. V. Smyka, be included in their reading, a development that is to be welcomed.

Keywords: Late Antique literature, mythology, Trojan War, O.V. Smyka, translations

Ольгу Викторовну Смыку (1945–2022) многие знают прежде всего как замечательного филолога-преподавателя, «почти полвека учившего студентов на кафедре древних языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова»¹. Автор этих строк сам может с максимальной ответственностью сказать

* Данные об авторе. Суриков, Игорь Евгеньевич – доктор исторических наук, главный

о себе, что именно благодаря ученичеству у нее (в свою аспирантскую пору, 1991–1994 гг.) смог полноценно овладеть классическими языками (хотя и ранее, разумеется, имел учителей по этой дисциплине, но они запомнились в несравненно меньшей степени).

Но это могло бы стать темой отдельного разговора. А здесь мы хотим подчеркнуть, что при всей своей преподавательской загруженности О.В. Смыка никогда не прекращала и труд филолога-ученого, который – оговорим сразу – у нее имел свою специфику. Ольге Викторовне, человеку творческому, тонко и глубоко чувствующему, имеющему вкус к поэзии, ближе было не написание сухих текстов исследовательского характера², а непосредственная работа с памятниками античной словесности, работа, стоящая на грани собственно науки и литературы. Речь идет о ее деятельности как переводчика с классических языков.

Немало выполненных ею переводов было опубликовано при ее жизни, но в полной мере объем того, что она сделала на этой ниве, стал ясен после кончины Ольги Викторовны. Вышло три книги, одна из которых³ была подготовлена на кафедре древних языков МГУ под редакцией заведующего ею А.В. Подосинова, а другие две⁴ составил супруг покойной – математик Александр Исаакович Штерн⁵. О вошедших в эти книги переводческих работах справедливо было сказано, что в них «глубокое понимание языка оригинала сочетается с тонким поэтическим чутьем»⁶. Конкретно это выражается вот в чем (прежде всего применительно к переводам стихотворным): «будучи приближенными к оригиналу с точки зрения метрики, лексики и грамматики, то есть входя тем самым в круг так называемых “точных” переводов, переводы О.В. Смыки в то же время обладают и признаками так называемого “вольного” перевода, что не только

научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

¹Podossinov 2023, 6. Не можем не посетовать на то, что в последнее время начало распространяться обыкновение (проявившееся и в процитированном здесь тексте А.В. Подосинова), говоря об Ольге Викторовне, не склонять ее фамилию. Это идет вразрез с правилами русского языка и может порождать недоразумения: человек, посторонний нашему «цеху», прочтя где-нибудь «перевод О.В. Смыка», однозначно поймет это в том смысле, что переводчиком является мужчина по фамилии Смык. Мы решительно недоумеваем, какова причина этой новой манеры. Может быть, этим выполняется воля самой Ольги Викторовны? Категорично заявляем: нет. Откроем ее переводы, опубликованные при жизни и, стало быть, отражающие ее волю, – и увидим, что там стоит совершенно верное «перевод О.В. Смыки». Да и по личному общению знаем, что она склоняла свою фамилию.

² Были у нее и такие, но в довольно небольшом количестве. Некоторые из них посмертно переизданы в: Smyka 2023a, 9–58.

³ Smyka 2023a.

⁴ Smyka 2022; Smyka 2023b.

⁵ Также со всеми тремя книгами в электронном варианте можно ознакомиться на сайте <http://smyka.persona.msu.ru>

⁶ Teperik 2023, 60.

не удаляет от подлинника, но, напротив, приближает к нему»⁷. Мы, со своей стороны, добавили бы, что это, пожалуй, высшая похвала, какой только может удостоиться труд переводчика.

Хронологический диапазон произведений, переведенных Ольгой Викторовной и вошедших в книги, о которых идет речь, составляет около 2 тысяч (!) лет – от древнегреческих народных песен⁸, сложившихся в эпоху архаики, если не раньше, до сочинений авторов палеологовского времени (из них особенно широко представлен Мануил Фил⁹); столь же широк их жанровый и тематический спектр. Мы ни в малейшей мере не взяли бы писать рецензию на столь колоссальный труд, тем более что, скажем, в области византийской литературы не обладаем необходимыми компетенциями, практически не имея опыта специальной работы с ней. Мы здесь ставим перед собой гораздо более узкую задачу: остановимся на одном блоке переводов (о чем идет речь – в первой приближении обозначено в заголовке этой заметки, а из дальнейшего изложения станет яснее), который сам по себе даже в количественном плане производит сильное впечатление.

Троянская война и весь огромный круг сюжетов, связанных с ней, с ее предысторией, с ее последствиями, наверное, всегда волновал и античных, и послеантичных писателей, вызывал непрекращающийся интерес. Уже в архаический период появляются посвященные этой тематике киклические поэмы¹⁰. Их почти полная (не считая незначительных фрагментов) утрата очень болезненна. Ведь в «Илиаде» и «Одиссее» представлены лишь отдельные эпизоды из троянской мифологии, а кикл давал эту мифологию полностью: от основания Трои, с одной стороны, и свадьбы Фетиды и суда Париса – с другой (и даже с обещания Зевса Гее-Земле облегчить носимое ею людское бремя) до гибели Одиссея от руки Телегона, по неведению убившего собственного отца).

За кикликами следовали, начиная с VI в. до н.э., прозаики-мифографы¹¹. которых троянская тема тоже, разумеется, привлекала. Данные по ней содержались у всех крупнейших представителей этого жанра – Акусилая Аргосского (Acusil. FGrHist. 2. F39–F43), Ферекида Афинского (Pherec. FGrHist. 3. F136–F144), Гелланика Лесбосского. У последнего имелось даже специальное сочинение в двух книгах Τρωϊκά («Троянские дела»), из которого до нас

⁷ Teperik 2023, 60.

⁸ Smyka 2023b, 132–137.

⁹ Smyka 2022, 537; Smyka 2023a, 201–270.

¹⁰ О них см., например: Barron, Easterling 2003; Papaioannou 2007; Tsagalis 2016.

¹¹ О них теперь есть фундаментальное двухтомное исследование: Fowler 2007; Fowler 2013. Первый том представляет собой издание сохранившихся фрагментов мифографов, второй содержит комментарий, а также статьи-personalia о всех ранних представителях этого жанра. Впрочем, отнюдь не пришла еще пора «списывать в архив» и соответствующий том эпохального издания Ф. Якоби FGrHist (ссылаемся на последнее по времени переиздание: Jacoby 1995a – тексты, Jacoby 1995b – комментарий).

дошло значительное количество фрагментов, подчас пространных (Hellen. FGrHist. 4. F23–F31, F138–F156)¹². Но опять же перед нами именно фрагменты, только фрагменты...

Троянский цикл легенд представлен, разумеется, в мифографических компендиумах (Псевдо-)Аполлодора¹³ и Гигина, но это предельно скучные, даже неудобочитаемые сводки сырого материала, их и к литературе-то причислить трудно. А в то же время в поздней античности, да еще и в Византии, регулярно появлялись вполне художественные тексты, авторы которых обращались к событиям Троянской войны, в том числе и к тем (пожалуй, в первую очередь к тем), которые не отражены у Гомера. Авторы эти, следует также оговорить, подчас ставили своей целью не только дополнить «великого слепца»¹⁴, но и скорректировать его, поспорить с ним, подвергнуть его критике, опровергнуть его мнение по тому или иному вопросу, дать альтернативную версию...

Эта поздняя Τρωϊκά в России всегда была практически неизвестна, но теперь ситуация коренным образом изменилась – именно потому, что досадный пробел решила ликвидировать О.В. Смыка. Одним из важнейших направлений ее переводческой работы многие годы были относящиеся к данной теме сочинения. При ее жизни лишь малое количество этих переводов увидело свет (поэмы Трифиодора, Коллуфа и, кажется, только первая часть «гомеровской» трилогии Цеца). Остальное лежало «в столе», как говорили раньше (теперь, видимо, нужно говорить «в компьютере»), ждало своего часа и вот, наконец, дождалось. Точнее, это отечественные читатели дождались столь щедрого подарка, открывающего для них новые сокровища античной (и послеантичной, но всецело ориентированной на античную традицию) словесности.

Мы сейчас перейдем к обзору этих памятников, которые будут рассматриваться не в том порядке, в каком они помещены в трех книгах О.В. Смыки, а в хронологической последовательности создания этих текстов (в ряде случаев – приблизительной, поскольку в точности она не всегда вполне ясна). Среди них есть как прозаические, так и стихотворные; в переводе стихов, как

¹² Фрагменты Акусилая, Ферекида, Гелланика издавались на русском в нашем переводе: Surikov 2020; Surikov 2021; Surikov 2022.

¹³ Ныне решительно преобладает мнение, что «Мифологическая библиотека» приписана знаменитому эллинистическому эрудиту Аполлодору Афинскому по ошибке и, стало быть, ее автора корректнее именовать Псевдо-Аполлодором. См., например: Michels 2021.

¹⁴ О «великом слепце» говорим, разумеется, чисто метафорически и по традиции. На самом деле мы совершенно уверены: биографических данных о Гомере слишком мало для того, чтобы утверждать о нем ответственно что бы то ни было, помимо констатации самого того факта, что существовал аэд Гомер (это, во всяком случае, нам представляется бесспорным). Даже то, были ли он в действительности слеп или нет, не может быть ни доказано, ни опровергнуто. Наша позиция представлена в: Surikov 2017. Д.В. Панченко в недавней книге о Гомере (Panchenko 2016) идет так далеко, что показывает нам, на каком конкретно этапе его жизни поэта постигла слепота. Столь уверенный взгляд на далекое прошлое кажется нам в известной мере отходом от весьма трезвых принципов, продемонстрированных тем же автором в Panchenko 1990.

говорилось и выше, Ольга Викторовна была особенно виртуозна. Но начать придется с произведения, написанного в прозе; оно является одним из самых объемных и, пожалуй, одним из самых парадоксальных во всем корпусе поздней Τρωϊκά.

Принадлежит оно весьма видному писателю рубежа II–III вв. н.э. Флавию Филострату, одному из главных представителей течения «Второй софистики», а также представителю знаменитой литературной семьи Филостратов¹⁵. Его важнейшие труды – биография Аполлония Тианского и сборник жизнеописаний «софистов» (по большей части фигурируют там именно деятели «Второй софистики») русскому читателю уже доступны, а теперь пришла пора «Диалога о героях» (Ἡρωϊκός)¹⁶.

Действие в диалоге происходит на европейском берегу Геллеспонта, то есть напротив Трои, на полуострове Херсонесе Фракийском, близ городка Элеунта, где показывали курган Протесилая – ахейского вождя, погибшего в первый же день Троянской войны, при высадке с корабля¹⁷. Действуют два персонажа: местный житель, виноградарь, и проезжий гость, эллинизированный финикиец. Из их оживленной беседы мы узнаем, что виноградарю часто является дух Протесилая, витающий близ могилы, и рассказывает ему немало интересного о событиях, которые он видел и до десятилетней осады Трои, так и во время ее, то есть будучи как живым, так и уже мертвым. Предлагается, по сути, именно новая версия войны, особенность которой – акцент на ее второстепенных участниках. У Филострата эксплицитно сказано¹⁸: «Ведь многое из того, что герой (Протесилай – И.С.) рассказывает о мужах и событиях войны, большинству еще неизвестно. Вот и причина. Он говорит, что в своей страсти к поэмам Гомера большинство людей, глядя только на Ахиллеса и Одиссея, пренебрегают добрыми и смелыми людьми... Герой говорит, что Ахиллес прославляется в песнях (Гомера – И.С.) достойно, но Одиссей слишком долго» (Philostr. *Heroic*. 14. 1–2).

Кстати, обратим внимание на проявляющуюся здесь «анти-одиссеевскую» тенденцию, которая встретится нам и в дальнейшем, а у Филострата проступает достаточно отчетливо. В памятниках, где эта тенденция прослеживается, неоднозначной фигуре Одиссея всегда противопоставляется его «во всех отношениях положительный» визави – погубленный им Паламед (который в «Илиаде»

¹⁵ О Флавии Филострате и семье Филостратов в целом существует, разумеется, обильная литература. На русском языке теперь имеются две большие, одновременно информативные и яркие статьи Е.Г. Рабинович, много и интенсивно работавшей над этими сюжетами: Rabinovich 2017a; Rabinovich 2017b.

¹⁶ Smyka 2023b, 470–544.

¹⁷ «Курган Протесилая», упоминаемый уже Геродотом (Herod. IX. 116), действительно существует; это раннеэгейский памятник III тыс. до н. э. (Surikov 2013, 11).

¹⁸ Все цитаты из рассматриваемых здесь текстов приводятся, разумеется, в переводе О.В. Смыки.

вообще не упоминается)¹⁹. Весьма характерен следующий пассаж: «Был в Трое один земледелец... Этот человек очень близко к сердцу принимал участь Паламеда и оплакивал его... У него также была собака, которую он специально научил с ласковым видом нападать на людей, так он назвал ее Одиссеем и бил ее за Паламеда, и выслушивал этот Одиссей от хозяина бесчисленные проклятья» (Philostr. *Heroic*. 21. 2–3). В результате крестьянин этот в конце концов удостоился-таки чести увидеть дух самого Паламеда.

В диалоге особенно подробно рассказывается о событиях, которые имели место до Троянской войны и, соответственно, не могли войти в «Илиады», в частности, о вторжении ахейцев в Мисию (по утверждению Протесилая-Филострата, оно произошло не по недоразумению, а с намеренной целью пограбить богатую область), о битве их с Телефом. Потом покойный герой высказывает свое мнение о Гомере – во многом положительное, но содержащее и критику. «Порицает же он Гомера вот за что: во-первых, за то, что он перемешивает богов и людей, и о людях говорит высокое, а о богах – низкое и постыдное. Во-вторых, за то, что Гомер, прекрасно зная, что Елена оказалась вместе с Парисом унесенной ветром в Египет, все-таки выводит ее на стену Илиона...» (Philostr. *Heroic*. 25. 10).

Далее следуют выразительные характеристики-экфразы различных гомеровских героев: Нестора, Сфенела, Филоктета, того же Паламеда (о нем сказано наиболее подробно) и остальных, – кажется, едва ли не всех. Приведем выдержки из характеристики Одиссея: «Был он очень искусен и силен в речах, увертливый, большой завистник, и восхвалитель коварств, всегда подтверждавший ложное свидетельство. Унылый, он всегда был осторожен (κατηφῆ τε ἀεὶ καὶ οἷον ἐλεσκεμμένον). В военном же деле он скорее считался выдающимся, нежели таковым был, – ведь не был он ни знатоком вооружения и снаряжения, ни порядка морского боя и штурма городских стен, ни умелым стрелком и копьеметателем. Дел он совершил немало, но ничего особо достойного восхищения... В Илион он пришел, уже будучи пожилым, на Итаку же вернулся совсем состарившись... Он для любовных дел был уже немолод, нос имел приплюснутый и маленький, глаза у него бегали от мыслей и подозрений. Он имел вид мыслящего человека, а это в любовных делах прелести не составляет. Но, как бы там ни было, он погубил Паламеда, который бы и умнее, и доблестнее его» (Philostr. *Heroic*. 34. 1–6).

Кстати, в пассаже об Одиссее Филострат устами Протесилая заявляет, что все содержащиеся во второй гомеровской поэме рассказы о его странствиях и сопровождавшим их чудесам, «о Полифеме, Антифате, Скилле и его путешествии в Аид и о пении сирен» (Philostr. *Heroic*. 34. 4), – в чистом виде вымысел,

¹⁹ Об образе Паламеда и его отражении в античной литературе см., например: Clúa Serena 2006; Lampe 2020.

в отличие от содержания «Илиады». Автором дается оригинальное объяснение причин, по которым Гомер «выгораживает» Одиссея и «затушевывает» Паламеда: поэт, готовясь создать свои шедевры, прибыл-де на Итаку, вызвал душу Одиссея и попросил рассказать все о Троянской войне. Согласие от Одиссея он получил только под тем условием, что «прославит и воспоеет в своем творении его мудрость и смелость» (Philostr. *Heroic*. 43. 13), а о Паламеде умолчит.

Наиболее подробна в диалоге характеристика Ахилла, в которой опять же Гомер и оспаривается (Ахилл не сражался с рекой Скамандром, Philostr. *Heroic*. 48. 12), и дополняется (Ахилл и Елена на острове Левке в Понте Евксинском, (Philostr. *Heroic*. 54. 1 sqq.). Перевод памятника О.В. Смыка выполнила простым, чистым, ясным русским языком, вполне соответствующим манере оригинала. «Диалог о героях», пожалуй, можно назвать «шуткой мастера» (а Филострат был действительно большим мастером-ритором). Сочинения, о которых речь пойдет теперь, напротив, серьезны (два из них скорее квази-серьезны; из дальнейшего станет ясно, о чем идет речь). Идя в хронологическом порядке, следует перейти к Трифиодору. Этот крайне малоизвестный поэт до относительно недавнего времени даже сколько-нибудь точной датировке не поддавался, и лишь папирусные публикации 1970-х гг. позволили установить, что он жил и творил в III в. н.э.²⁰ О.В. Смыкой переведена небольшая (одна песнь, чуть менее 700 стихов) поэма Трифиодора «Взятие Илиона» (или «Разрушение Илиона»)²¹; этот перевод впервые был опубликован еще при ее жизни, в 2020 г. Сюжет, таким образом, ясен: действие в поэме разворачивается тогда, когда

...Мертвый Пелид poleg уже рядом с товарищем мертвым,
Нестор уже Антилоха оплакал, любимого сына,
Самоубийственной раной Аякс свое мощное тело
Ранил и гибельный меч обагрил иступленной кровью.
(Triphiodor. 17–20)

Вкратце упомянув о важнейших событиях, имевших место после того момента, на котором заканчивается «Илиада» (Мемнон, амазонки, пророчество Гелена, прибытие Неоптолема), Трифиодор переходит к основному эпизоду, которому посвящено его произведение, начиная с постройки Эпеем деревянного коня, который подробно описывается:

Мастер коня сотворил, меж широких боков приспособив
Чрево настолько пространное, что по размеру не меньше

²⁰ Smyka 2023a, 59.

²¹ В Smyka 2023a, 60–75 поэма опубликована под заголовком «Взятие Илиона», а в Smyka 2023b, 273–294 (к слову оговорим, что некоторые переводы присутствуют как в томе под редакцией А.В. Подосинова, так и в одном из томов, составленных А.И. Штерном) – под заголовком «Разрушение Илиона», хотя во вступительной заметке О.В. Смыки там же значится «Взятие Илиона» (Smyka 2023b, 271). В оригинале – Ἀλωσις Ἰλίου, чему несколько лучше соответствует «Взятие Илиона». Текстуально оба варианта перевода, кажется, совпадают, хотя детальной сверкой мы не занимались.

Было оно, чем корабль, и вмещало, конечно, не меньше.
 Мастер приделал и шею коню под полою грудью,
 В темную гриву его вкропил²² он золота блески,
 Пышная грива волной стекала с изогнутой шеи,
 Лента из конских волос держала ее на макушке.
 Вставил в глазницы Эпей и глаза из камней драгоценных, –
 Взял он берилл голубой, аметист с кровавым оттенком,
 И при смещении глаза двойным заблестали отливом,
 Очи из синих камней были будто бы кровью налиты.
 Белые зубы коню умелец в челюсти вставил,
 Словно хотели уже удила закусить эти губы!
 В пасти огромной коня скрыл мастер такие отверстия,
 Чтоб выпускали дыхания²³ тех, кто запрячется в чреве, –
 Свежий живительный воздух втекал через конские ноздри.
 Уши прямые коню на макушке приладил умело, –
 Звуки трубы уловить всегда они были готовы.
 Сзади приделал он гибкий хребет, поясницу и спину,
 И с ягодицами гладкими бедра, сопрягши, приладил.
 Хвост же пушистый²⁴ коня концом по земле волочился,
 Вниз по нему бахрома, как лоза, опускалась витая,
 К пегим коленям и стройные ноги мастер приделал,
 Ноги, что бег обратить в полет, вот только без крыльев,
 Были способны, да их нужда держала на месте.
 Не был тот конь неподкован – легко поднимал он копыта,
 Были покрыты они черепаховым панцирем ярким,
 Чуть лишь касаясь земли могучею медной подковой.
 Сделал искусную лестницу²⁵ мастер и дверь на запоре,
 Сбоку пристроил ее, потайную, – она пропускала
 Внутрь и наружу засадный отряд славоконных ахейцев.
 Лестницу ту размотать и обратно смотать было можно,
 Это был путь и спуститься, и снова наверх устремиться,

²² Когда мы впервые это прочли, подумалось: не опечатка ли? Да и компьютер подчеркнул слово «вкропил» как несуществующее. Возникло подозрение, что должно быть «вкрапил», т.е. речь идет о золотых вкраплениях в гриву. Консультация с текстом оригинала показала, что там стоит ἐπιρρίψας, причастие от ἐπιρρίψω – «брызгать, кропить на что-то». Только тут нам пришлось в голову то, о чем раньше как-то не приходилось задумываться: «вкраплять» и «окроплять» – однокоренные слова с чередованием а/о в корне. «Крапает», «накрапывает» – говорят о редком дожде. «Вкрапления» – это, в сущности, «капли», естественная метафора, как бы порожденная языком. В свете сказанного неологизм О.В. Смыки «вкропил», пожалуй, можно назвать удачей: грива коня покрыта каплями золота, она окроплена им (хотя золото здесь – не жидкость).

²³ Употребление множественного числа здесь небесспорно. Кажется, принято даже применительно к многим людям говорить о «дыхании», а не «дыханиях».

²⁴ Не самый ожидаемый эпитет. В отличие от хвоста, скажем, лисы или белки, хвост лошади, состоящий из грубого конского волоса, трудно назвать «пушистым». В оригинале – ἔκλυτος οὐρί, свободно висящий хвост (т.е., видимо, неподвязанный).

²⁵ Вновь несколько спорный оборот. Лестница, предмет неодушевленный, вряд ли может быть искусной; искусен мастер, который ее изготовил. В оригинале – κλίμακα τυκτήν, искусно сделанную лестницу. Понимаем, что написать в переводе «сделал искусно сделанную лестницу» было невозможно: и тавтология, и в размер не укладывается. Мы бы, со своей стороны, не мудрствуя лукаво перевели: «Сделал удобную лестницу». Из сказанного ниже видно, что главной похвальной чертой этой лестницы являлось именно то, что ею было удобно пользоваться.

Ремни на морде коня и на шее лоснящейся тоже
 Были увиты красивой гирляндой цветом разноцветных,
 И украшали узду, что конем повелительно правит,
 Гнутых колец завитки, – сплав мести и кости слоновой.
 Вот наконец, над огромным конем завершилась работа.
 В поножь с приделанным к ней колесом обувает умелец
 Каждую ногу коня, – теперь он будет послушен
 Тем, кто потащит его, – а иначе и с места не стронуть.
 Так и сиял этот конь красотой, вселяющей ужас,
 Мощный, огромный, – его несомненно, – и всем так казалось, –
 Будь он живым, тотчас же угнал бы Арес-конелюбец
 (Triphiodor. 62–105)

Мы намеренно привели столь пространную цитату (в дальнейшем будем от такого воздерживаться). Во-первых, очень уж колоритная экфраза перед нами. Во-вторых (и это главное), заговорив о стихотворных переводах О.В. Смыки, хотелось сразу продемонстрировать стиль этих переводов, а это лучше сделать на примере не маленького, в 3–4 строки, отрывка, а более обширного. Стиль, как можно видеть, яркий, выразительный, с использованием богатых лексических средств (в некоторых случаях их применение вызывает определенные сомнения, высказанные нами в примечаниях, но эти частные промахи, без которых не обходились даже самые лучшие, классические переводы, не следует придавать особенного значения).

Притом сразу чувствуется, что переводчик ориентируется не на «традицию Гнедича» в интерпретации памятников античного эпоса, а скорее на «традицию Вересаева». Иными словами, используются нормы современного русского литературного языка, а архаизмы (в лексике, синтаксисе и пр.) последовательно избегаются. Какая из этих двух традиций (а за обеими стоит уже авторитет времени, проверку которым и та, и другая успешно выдержали) имеет большее право на существование? Вопрос очень сложный, и ответ на него зависит, в числе прочего и от вкусовых пристрастий. В свое время мы писали по поводу перевода «Илиады» и «Одиссеи», выполненного в советское время П.А. Шуйским²⁶, который проводил принцип «осовременивания» даже утрированно, вводя такие слова, как «балласт» и т.п.: «П.А. Шуйский... считал сугубую “осовремененность” своего перевода Гомера безусловным достоинством, – а, соответственно, “устарелость” классических переводов безусловным недостатком. Но так ли это на самом деле? И Гнедич, и его читатели считали те самые “ланиты” и “выи”, наоборот, не недостатком, а огромным достоинством. Именно из-за них, не приходится сомневаться, Пушкин написал свое знаменитое “Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...”. И не услышал бы его, если бы у Гнедича были “щеки” и “шеи”. Ведь, подчеркнем, хотя Гнедич, – по большому счету, поэт пушкинской эпохи (старший современник и

²⁶ Shuyskiy 2017.

друг самого Пушкина), но язык его перевода “Илиады” – это ни в коей мере не язык русской художественной литературы первой половины XIX в. Гнедич изобильно вставлял в текст архаизмы совершенно сознательно, а не по какому-то недоумию; он налагал на памятник “патину старины”»²⁷.

Чтобы не показалось, что автор этих строк теперь противоречит сам себе, разясним: одно дело – Гомер, который уже в классическую эпоху греческой истории воспринимался как поэт глубокой древности, и другое дело – памятники позднеантичного (и еще более позднего эпоса). На последних никакой «патины старины» заведомо не было. А то, чего не было, и переводе передавать не имеет смысла (делать это было бы даже некоторой фальшью). Соответственно, применительно к этим памятникам «традиция Вересаева» представляется вполне уместной.

От поэмы Трифиодора (которая завершается, как и положено, красочной картиной насилий и бесчинств ахейцев в горящей Трое) перейдем к следующему произведению – поэме Квинта Смирнского «После Гомера»²⁸ (название в греческом оригинале – *Οἱ μεθ' Ὅμηρον λόγοι*, в изданиях также часто употребляется в латинском варианте *Posthomeric*). Традиционная датировка Квинта – IV в. н.э.²⁹ Поэма весьма велика: 14 песней! Впрочем, о ней все-таки нельзя сказать, что она больше «Илиады» или «Одиссеи», в которых по 12, поскольку песнь Квинта, как правило, короче песни Гомера.

Начинает Квинт строго с того места, где закончилась «Илиада» («Так погребали они конеборного Гектора тело», *Hom. II. XXIV. 804*):

После того, как погиб от Пелида божественный Гектор,
Тело предали огню, а останки земля схоронила,
В граде Приама закрылись троянцы, объятые страхом.
(*Quint. I. 1–3*)

Каждая песнь поэмы «После Гомера», как правило (хотя есть и исключения), посвящена какому-нибудь одному законченному эпизоду осады Трои. В первой песни повествуется о прибытии амазонок во главе с Пентесилеей³⁰, их сражении с ахейцами и гибели царицы от руки Ахилла. Герой второй песни – Мемнон, подвергшийся точно такой же участи, как амазонка, но перед этим, правда, успевший убить сына Нестора Антилоха, одного из колоритных героев «Илиады»:

²⁷ Surikov 2018, 222.

²⁸ Smyka 2022, 3–282.

²⁹ Berkowitz, Squitier 1986, 283.

³⁰ Так в переводе О.В. Смыки. У нас нередко пишут и «Пенфесилея». Передача греческой тэты (Πενθεσίλεια) русским ф несколько более укоренена в русской переводческой традиции. Если оставаться в кругу мифологических героев, можно вспомнить о царе Фив Пенфее (корень тот же самый), вступившем в борьбу с Дионисом и погибшем от рук менад, возглавляемых его матерью Агавой («Вакханки» Еврипида). Нам, кажется, не встречалось, чтобы кто-нибудь называл его Пентеем.

Тут он сразил Несторида – хоть славным копейщиком был он, –
 В грудь, повыше сосца. Копье через сердце проходит,
 И, как всегда при раненье таком, наступает кончина³¹.
 Так погиб Антилох, и скорбь охватила данайцев...
 (Quint. II. 257–260)

В третьей песни гибнет сам Ахилл, причем от стрелы самого Аполлона (чаще в традиции – от стрелы Париса, направляемой Аполлоном). Точнее, не сразу гибнет, а получает смертельную рану, после которой еще убивает несколько троянцев перед тем, как скончаться самому. Тема четвертой песни – погребальные игры, устроенные Фетидой по сыну (безошибочно прочитываемой моделью, как и во всех подобных случаях, служат погребальные игры по Патроклу в «Илиаде»). В пятой песни – спор о доспехах Ахилла между Аяксом и Одиссеем и все, что последовало за ним, вплоть до самоубийства Аякса. В шестой – прибытие Эврипила с его «кетейцами»³² на подмогу троянцам и его успехи в сражении с противниками. В седьмой в ахейском лагере появляется сын Ахилла Неоптолем, привезенный со Скироса. В восьмой он убивает Эврипила. В девятой под Троию привозят (и исцеляют) теперь уже Филоктета, в десятой его меткий выстрел из Гераклова лука наносит смертельную рану Парису:

Лук поднимает Парис, но, его обогнав, попадает
 Отпрыск любезный Пойанта³³ стрелою с отточенным жалом

³¹ К этой строке привлечем внимание. Она со всей очевидностью показывает, что перед нами ни в коей мере не «традиция Гнедича»: тут перед нами даже какой-то неожиданный прозаизм. Заодно не можем не отметить, что в первой строке цитаты не очень удачно два раза употреблено местоимение «он»; в результате становится не вполне ясным, что «славным копейщиком» был Несторид (Антилох), а не Мемнон. В подобных ситуациях обычно употребляется противопоставительная пара местоимений «он – тот». Кроме того, вряд ли можно сразить кого-то в грудь. Лучше – «поразить».

³² Сюжет о «кетейцах» – один из самых загадочных в троянской мифологии. Как считается, он отразил смутные воспоминания о каком-то вмешательстве хеттов в борьбу за Трою. См. к вопросу: Gindin, Tsymburskiy 1996, 271–302.

³³ У нас имя отца Филоктета чаще пишут в варианте «Пеант». Отдельный и сложный, даже болезненный вопрос, который мы затронем здесь лишь «самым краешком», – о пресловутом «переводе» древнегреческих имен собственных на новые языки. Этот вопрос, кстати, является еще более болезненным в англоязычной литературе, где в связи с ним немало сломано копий. Там можно встретить как приверженцев латинизированной формы, так и ее противников. Среди последних опять же есть как более, так и менее последовательные; например, *χ* даже они чаще передают через *ch*, редко встретишь более точное, но и более экзотичное *kh* (хотя есть и такие случаи, например: Kinzl 1991). В предисловии практически к любой англоязычной книге можно встретить абзац, где автор излагает свою позицию по этому вопросу, но обычно в конце концов констатирует, что полная последовательность все равно невозможна ввиду наличия ряда прижившихся написаний, не согласующихся ни с какой нормой. Есть такие и у нас; перечислять их было бы долго, но несколько колоритных примеров не помешает привести. Алкивиад с этим реликтовым «архи-рейхлиновым» в, Эзоп с режущим глаз и ухо латинизированным з... Но переучиться на «Алкибиада» и «Эсопа» мы, конечно, никогда уже не сможем, да и наши потомки, надо полагать, тоже. Или вот: Посейдон (при том, что философ-стоик с производным от этого теонима именем в отечественной литературе фигурирует обычно как Посидоний). Тесей

В область, что паха повыше, и боле не в силах сражаться,
 Быстро бежал Приамид, как пес перед львом отступает...
 Так и Парис удалился из боя, и сердце пронзала
 Страшная мука и боль...
 (Quint. X. 239–245)

В одиннадцатой песни, кажется, ничего особенного не происходит: «просто воюют»... Сюжет двенадцатой – «троянский конь»; вот описание Квинтом этого артефакта (заметим, намного более лаконичное, чем у Трифиодора):

...Эпей изготовил
 Ноги коню деревянному сам, за ногами и чрево,
 Спину на нем укрепил и круп ему сзади приладил.
 Спереди поднял он шею, на ней прикрепляется грива, –
 С шеи высокой свисала она, как живая, колышась,
 После и голову он сотворил, как положено, с челкой,
 Сзади приделал он хвост прегустой и уши поставил.
 Ясные сделал глаза и прочее все изготовил,
 Что приводило в движенье коня. Продвигалась работа.
 Дело священное шло, и конь, как живой, получался.
 (Quint. XII. 137–146)

В конце песни коня вводят в Трою, а в следующей, тринадцатой, ахейцы захватывают ее. Наконец, в последней, четырнадцатой песни победители торжествуют, делят добычу и отплывают на родину. Последняя выразительная сцена в поэме – гибель Аякса Меньшего во время разразившейся бури.

Мы переходим к двум весьма своеобразным литературным памятникам, чаще всего датирующимся в литературе V в. н.э. (хотя иногда говорят и о IV веке), созданным в прозе на латинском языке и приписанным участникам и очевидцам самой Троянской войны. Оба они тоже переведены О.В. Смыкой; речь идет о «Дарете Фригийском»³⁴ и «Диктисе Критском»³⁵. Намеренно пишем оба эти имени в кавычках: если обойтись без них, неискушенный читатель легко может подумать, что Дарет и Диктис – реальные авторы соответствующих

(некоторые переводчики употребляли более последовательное «Фесей», но не приживается!). Аякс и Эант: первый вариант с его *кс* и некорректен и, как нам кажется, даже менее благозвучен, а между тем решительно преобладает в употреблении именно он. Автор этих строк, и сам имея переводческий опыт, лично для себя сформулировал вот какой принцип: по возможности последовательно ориентироваться на нормы, но при этом учитывать традиции, а также доверять и собственной интуиции. Рассмотрим вот какой пример. Дифтонг *oi* в целом принято передавать у нас через *е* (Беотия, Эвбея) или, если слово с него начинается, через *э* (Эагр, отец Орфея). Но есть этолийский герой (отец Тидея), чье имя волей-неволей приходится писать «Ойней»: иначе произойдет ложная омонимизация с более известным троянцем Энеем (в его имени в оригинале дифтонг *ai*). Завершая этот экскурс, заметим: конкретно в этом месте мы, исходя из вышеизложенных принципов, все-таки поставили бы «Пеанта», этому ничто не препятствует.

³⁴ Smyka 2022, 326–360. У О.В. Смыки – Дарес. Такое написание допустимо, но мы предпочитаем «Дарет» (видимо, это дело вкуса, а о вкусах не спорят) и в дальнейшем тоже будем писать так.

³⁵ Smyka 2022, 361–474.

сочинений. А между тем, это даже не псевдонимы. Речь идет, в сущности, о фальсификатах. Перед нами – распространенная в античности практика, которую иногда называют «плагиатом наоборот»: некто ставит не свое имя под чужими произведениями, а чужие имена (как правило, окруженные «ореолом старины» и соответствующей авторитетностью) под своими произведениями.

Мы не будем здесь углубляться в очень непростой вопрос о возможных греческих оригиналах латинских текстов, о которых идет речь³⁶. Дадим очень краткую характеристику самих этих текстов. Труд «Дарета» невелик – всего лишь одна книга. Начинается он с очень дальних предпосылок Троянской войны, в число коих вписывается даже поход аргонавтов, которые, согласно автору, по пути в Колхиду хотели было посетить Трою, но ее царь Лаомедонт (отец и предшественник Приама) оскорбительно приказал им убираться. Геракл, будучи участником колхидской экспедиции, не стерпел обиды и впоследствии начал войну с Лаомедонтом, в результате которой последний погиб. Эту «Первую Троянскую» (или «Гераклову») войну основная ветвь легендарной традиции объясняет совершенно иными причинами (известная история с китом, которого убил Геракл).

Далее у «Дарета» привлекают внимание краткие, но достаточно яркие портретные зарисовки участников конфликта (как с ахейской, так и с троянской стороны), например: «Эней был рыжеволос, коренаст, красноречив, приветлив, храбр, но не безрассудно, благочестив, любезен; у него были черные глаза, блестящие и веселые» ([Dares] 12). Завершается же произведение без какого-либо «троянского коня»: Трои берут с помощью измены Антенора и Энея. Следует квазинаучное резюме с чудовищными цифрами: «Таким образом, Троянская война длилась 10 лет, 6 месяцев и 12 дней. Из войска аргивян, как указывает дневник, который вел Дарес, пало 886 тысяч человек, а троянцев до того момента, когда город был предан, 676 тысяч человек» и т.д. ([Dares] 44).

Сочинение «Диктиса» более пространно, оно включает шесть книг. Трои захватывают к концу пятой («троянский конь» появляется, но не играет столь уж значительной роли). Что интересно, ко времени уже после падения города «Диктис» относит эпизод с «обидой» Аякса, кончающейся его самоубийством, причем предметом спора между ним и Одиссеем служит не оружие Ахилла, а троянский палладий ([Dict.] V. 14–15). Тема шестой книги – возвращение героев на родину; впрочем, изложение доводится даже до гибели Одиссея от руки его сына Телегона (сюжет киклической поэмы «Телегония»).

Выше особенности стихотворных переводов О.В. Смыки комментировались довольно подробно; применительно же к специфике ее переводов в

³⁶ Применительно к «Дарету» см.: Zakharova 2021. В издании А.В. Захаровой приведено (отсутствующее у О.В. Смыки) «письмо Корнелия Непота Саллюстию Криспу» (тоже, естественно, фальсификат), служащее как бы предисловием к сочинению «Дарета». В нем говорится о том, что Непот якобы нашел в Афинах эту рукопись и перевел ее на латинский язык.

области прозы, как нам подумалось, уместно будет применить прием сравнения, который позволит лучше оттенить отличительные черты. Сравнить есть с чем: перед нами сейчас лежат рядом два русских «Дарета» (другой принадлежит А.В. Захаровой). Пробежимся по этим текстам и кое в каких местах их сопоставим.

Пассаж из начала памятника ([Dares] 1).

А.В. Захарова: «Царь Пелий, увидев, что люди так благосклонны к Ясону, стал опасаться, как бы сын Эсона не стал враждовать с ним и не изгнал бы его из царства. Он сказал Ясону, что в Колхиде есть позолоченная шкура барана, достойная его доблести, и чтобы он ее похитил; а царь обещает ему дать все, что угодно. Когда Ясон, человек мужественный, услышал это, то, желая узнать все страны и считая, что он прославится, если похитит из Колхиды позолоченную шкуру, он сказал царю Пелию, что согласен туда отправиться, если у него не будет недостатка в силах и спутниках».

О.В. Смыка: «Пелий, видя, как все относятся к Ясону, стал опасаться, как бы ему от сего не пострадать и власти не лишиться. И вот он говорит Ясону, что у колхов есть золотая шкура барана, достойная его доблести, и обещает дать ему все, что угодно, если он ее оттуда привезет. Ясон на это ответил царю Пелию, что поедет туда охотно – были бы только средства и сотоварищи, – ведь ему человеку храбрейшей души, хотелось все на свете повидать, и к тому же была надежда прославиться, привезя из Колхиды золотое руно».

Как можно видеть, смысловых расхождений почти нет (некоторые обороты у двух переводчиков даже дословно совпадают: «стал опасаться», «достойная его доблести» и т.п.). Несколько точнее предмет, за которым отправляется Ясон в Колхиду, назван «позолоченной» шкурой барана (в оригинале *inaurata*, не *aurea*). С другой стороны, за О.В. Смыкой в данном вопросе стоит давняя речевая традиция: у нас всегда говорят именно о *золотом* руно (хотя ясно, что золотой в прямом смысле слова, то есть состоящей из золота, баранья шкура быть не может).

Итак, содержание в обоих случаях передается идентично, аутентично, а вот интонация ощутимо разнится. У А.В. Захаровой она нейтральна и, мы бы сказали, суховата, напоминает больше тексты документального, чем литературного характера. У О.В. Смыки мы встречаем в большей степени разговорный и даже, пожалуй, сказовый слог. Характерно хотя бы вот это: «И вот он говорит Ясону...» – типичное именно для сказов (постоянно встречающееся, например, в древнерусских былинах) время *praesens historicum*. Интересно, что и в латинском оригинале настоящее время – *dicit*. Ясон, кстати, на слова Пелия тоже *dicit* (а не *dixit*) ему. Стоило ли и в переводе дать «...отвечает царю Пелию»? А вот это, кажется, было бы уже избыточно, несколько назойливо (во всяком случае, некое внутреннее стилевое чувство так говорит автору этих строк).

Продолжим сравнение, перейдя к некоторым из портретных характеристик героев «Дарета» (о которых упоминалось уже и выше).

[Dares] 13. А.В. Захарова: «Аякс Теламонов сильный, с громким голосом,

черными вьющимися волосами, прямодушный, жестокий к врагам». О.В. Смыка: «Аякс же Теламонид был могуч, у него был зычный голос, вьющаяся копна черных волос; душой он был прост, а к врагам беспощаден». Здесь можно отметить, что vox clara оригинала в первом случае передается через «громкий голос», во втором – через «зычный голос». Оба прилагательных вполне уместны, но второе – в литературном плане побогаче, если можно так выразиться.

[Dares] 13. А.В. Захарова: «Нестор большого роста, с загнутым длинным носом, широкоплечий, с белой кожей, искусный в советах, разумный». О.В. Смыка: «Нестор был крупный человек с длинным горбатым носом, полный, седой и разумный в советах». Здесь несколько выражений оригинала понято и передано переводчиками по-разному. Так, *latus* (буквально – широкий) – в первом случае «широкоплечий» (это, думается нам, вернее), во втором «полный». А вот что касается *candidus*, – наверное, здесь это все-таки «седой», как у О.В. Смыки. Старик, особенно в южных странах, не отличаются белой кожей. А что касается формы носа Нестора (*obuncus*), – безусловно, «горбатый» – правильно. «Загнутый нос» – так и не говорят.

Но двинемся дальше. На очереди – очень небольшая (одна песнь, менее 400 стихов) поэма малоизвестного (вновь приходится употреблять этот эпитет) автора Коллуфа «Похищение Елены»³⁷. В лексиконе «Суда» Коллуф датируется временем императора Анастасия, то есть рубежом V–VI вв. н.э. Иными, словами, здесь мы, если пользоваться принятой ныне периодизацией мировой истории, переходим уже из античности в византийское средневековье. Впрочем, в саму эпоху, о которой идет речь, переход этот на фоне передраг, сотрясавших тогда Средиземноморье, вряд ли был кем-то замечен и оценен как что-то «веховое». И если читать и сравнивать Коллуфа с Трифиодором, работавшим двумя или более веками раньше, какое-то принципиальное различие не бросится в глаза. Тот же гекзаметр, тот же эпический диалект... Их часто и трактуют-то вместе: поэму Коллуфа как «приквел» «Илиады», а поэму Трифиодора – как ее «сиквел»³⁸.

Нимфы Троадские, дочери, рожденные Ксанфом потоком,
Вы, кто порой, побросав на отчем берегу песчаном
Ленты из пышных кудрей и свои игрушки святые,
Вместе с толпой устремляетесь в пляске кружится идейской, –
Милость явите, поведайте мне о суде овцепаса!
(Colluth. 1–5)

Начинаясь с суда Париса, завершается произведение его прибытием в Трою с Еленой. Ближе к концу привлекает к себе внимание интересно амплифицированная сцена поисков матери покинутой Гермией.

Последний памятник, к которому мы переходим, намного позднее всех остальных. Иоанн Цец, как известно, жил в XII в. Среди колоссального наследия этого знаменитого эрудита к троянской тематике ближе всего относится

³⁷ Smyka 2023a, 96–105; 2023b, 299–311.

³⁸ Smyka 2023a: 95.

цикл из трех поэм: «До Гомера», «По Гомеру» и «После Гомера». Теперь благодаря О.В. Смыке мы имеем на русском языке все три³⁹. Это, в общем-то, конспект всей Τρωϊκά – от рождения Париса до падения Илиона⁴⁰, а открывает-ся он, можно сказать, «конспектом конспекта»:

Страшной войны Илионской смятенъе великое ныне,
Каллиопея, воспой устами моих песнопений.
Пой, начиная с начала, и все до конца мне поведай,
Как, Расскажи, Приам троянам чуму уготовил –
Гибельного ЗлоПариса, причину войны беспощадной,
Все сообщи, о чем не сказала Гомерова мудрость.
И об Аргивской Елене, сияющей сладостным ликом,
Как там ее в Илион Александр из Спарты доставил,
Плаванье греков воспой, воспой корабли их подробно,
Гнев Ахиллеса воспой, и с ним – истребленъе ахейян,
Гибель Патрокла воспой, Сарпедона и Гектора гибель,
Пентесилею воспой, подобную мужу царицу,
Войско воспой эфиопов и сына Зари-Эригены,
Слезную гибель потомка Эака (Ахилла – И.С.) воспой нам подробно,
Сына его нам воспой, напосми и об Эврипиле,
Спой о пророке Гелене и том, кто убил Александра,
Пой о разрушившем город коне деревянном Эпея,
Как он помог, чтобы пали великие Трои твердыни...
(Tzet. *Antehom.* 1–18)

Приведя это в качестве краткого резюме всего обозрения троянской мифологии в поздней литературе, выскажем несколько итожащих суждений. Мы не случайно в заголовке данной заметки назвали проект незавершенным. При чтении переводов чувствуется, что Ольга Викторовна не успела навести на некоторые из них, как говорится, последний глянец, и шероховатости кое-где бросаются в глаза. Некоторые из них были нами отмечены выше, но не будем слишком придирчиво на них задерживаться. В начале первой по времени выхода из рассмотренных книг сделана специальная оговорка: «Это черновики, не судите строго»⁴¹. «Черновики» – сказано, пожалуй, слишком уничижительно: перед нами отчасти готовые, отчасти (в меньшинстве случаев) – *почти* готовые переводы. В любом случае, учинять «не в меру строгий суд» над плодами творческого труда покинувшего нас человека было бы совершенно неуместно.

Не можем не заметить только, что рассмотренным здесь текстам очень не помешали бы комментарии, без которых их трудно читать даже специалисту. В переизданных теперь прижизненных публикациях комментарии есть, но в очень

³⁹ Первая часть – Smyka 2023a, 128–137; вторая и третья части – Smyka 2022, 284–324.

⁴⁰ Но без возвращения героев. В конце автор специально оговаривает, что у него нет сил описывать еще и эти сюжеты (Tzet. *Posthom.* 750 sqq.), а вместо того завершает установлением точной, по его мнению, даты разрушения Трои – за 428 лет до первой Олимпиады 776 г. до н.э., 12 фаргелиона (Tzet. *Posthom.* 761 sqq.).

⁴¹ Smyka 2022, 3.

малом объеме, а те переводы, которые увидели свет посмертно, совершенно их лишены. Это еще одно последствие той же незавершенности работы. Тем не менее даже и несмотря на него сам тот факт, что целый ряд памятников, которые ранее были недоступны русским читателям, не владеющим классическими языками, теперь благодаря О.В. Смыке может войти в круг их чтения, следует только приветствовать.

ЛИТЕРАТУРА

- Barron, J.P., Easterling, P.E. 2003: The Cyclic Epics. In: P.E. Easterling, B.M.W. Knox (eds.), *The Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature*. Cambridge, 106–110. <https://doi.org/10.1017/CHOL9780521210423.011>
- Berkowitz, L., Squitier, K.A. 1986: *Thesaurus Linguae Graecae: Canon of Greek Authors and Works*. 2nd ed. New York–Oxford.
- Clúa Serena, J.A. 2006: Palamedeia (IV): acotaciones iconográfico-religiosas a la ‘Justizmord’ o muerte mítica de Palamedes. In: E. Calderón Dorda, A. Morales Ortiz, M. Valverde Sánchez (eds.), *Koinòs Lógos: homenaje al profesor José García López. T. I*. Murcia, 181–186.
- Fowler, R.L. 2007: *Early Greek Mythography. I. Texts*. Oxford.
- Fowler, R.L. 2013: *Early Greek Mythography. II. Commentary*. Oxford.
- Gindin, L.A., Tsymburskiy, V.L. 1996: *Gomer i istoriya Vostochnogo Sredizemnomor'ya* [Homer and history of the Eastern Mediterranean]. Moscow.
- Гиндин, Л.А., Цымбурский, В.Л.: *Гомер и история Восточного Средиземноморья*. М.
- Jacoby, F. 1995a: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist). Teil. I: Genealogie und Mythographie. A. Vorrede. Text. Addenda. Konkordanz*. Leiden–New York–Köln.
- Jacoby, F. 1995b: *Die Fragmente der griechischen Historiker (FGrHist). Teil. I: Genealogie und Mythographie. a. Kommentar. Nachträge*. Leiden–New York; Köln.
- Kinzl, K.H. 1991: AP 22.4: The Sole Source of Harpokration on the Ostrakismos of Hipparkhos Son of Kharmos. *Klio* 73/1, 28–45. <https://doi.org/10.1524/klio.1991.73.73.28>
- Lampe, K. 2020: The Logos of Ethics in Gorgias’ *Palamedes, On what is not, and Helen*. In: D.C. Wolfsdorf (ed.), *Early Greek Ethics*. Oxford, 110–131. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198758679.003.0007>
- Michels, J.A. 2021: Traces of Satyr Dramas in the Mythographic Tradition: The Case of Pseudo-Apollodorus’ *Bibliotheca*. In: A.P. Antonopoulos, M.M. Christopoulos, G.W.M. Harrison (eds.), *Reconstructing Satyr Drama*. Berlin–Boston, 539–566. <https://doi.org/10.1515/9783110725230-026>
- Panchenko, D.V. 1990: *Platon i Atlantida* [Plato and Atlantis]. Leningrad.
- Панченко, Д.В.: *Платон и Атлантида*. Л.
- Panchenko, D.V. 2016: *Gomer, “Iliada”, Troya* [Homer, “Ilias”, Troy]. Saint Petersburg.
- Панченко, Д.В.: *Гомер, «Илиада», Троя*. СПб.
- Papaioannou, S. 2007: *Redesigning Achilles: ‘Recycling’ the Epic Cycle in the ‘Little Iliad’ (Ovid, Metamorphoses 12.1–13.622)*. Berlin–New York.
- Podossinov, A.V. 2023: Predislovie: ob etoy knige i ee avtore Ol’ge Viktorovne Smyka [Preface: on this book and its author Olga Viktorovna Smyka]. In: Smyka, O.V. *Issledovaniya i perevody iz pozdneantichnoy i vizantiyskoy literatury* [Studies and translations from Late Antique and Byzantine literature], 6–8.
- Подосинов, А.В.: Предисловие: об этой книге и ее авторе Ольге Викторовне Смыка. В кн.: Смыка О.В. Исследования и переводы из позднеантичной и византийской литературы, 6–8.
- Rabinovich, E.G. 2017a: Filostraty, skol’ko ikh ni est’ [Philostrati, however many they are]. In: E.G. Rabinovich (ed.), *Flaviy Filostrat. Zhizni sofistov* [Flavius Philostratus. The lives of sophists]. Moscow, 399–441.
- Рабинович, Е.Г.: Филостраты, сколько их ни есть. В кн.: Е.Г. Рабинович (ред.), *Флавий*

- Филострат. Жизни софистов*. М., 399–441.
- Rabinovich, E.G. 2017b: Flaviy Filostrat i ego sofisty [Flavius Philostratus and his sophists]. In: E.G. Rabinovich (ed.), *Flaviy Filostrat. Zhizni sofistov* [Flavius Philostratus. The lives of sophists]. Moscow, 442–486.
- Рабинович, Е.Г.: Флавий Филострат и его софисты. В кн.: Е.Г. Рабинович (ред.), *Флавий Филострат. Жизни софистов*. М., 442–486.
- Shuyskiy, P.A. 2017: *Gomer v perevode P.A. Shuyskogo* [Homer in P.A. Shuyskiy's translation]. Ekaterinburg.
- Шуйский, П.А.: *Гомер в переводе П.А. Шуйского*. Екатеринбург.
- Smyka, O.V. 2022: *Chernoviki perevodov* [Rough copies of translations]. Moscow.
- Смыка, О.В.: *Черновики переводов*. М.
- Smyka, O.V. 2023a: *Issledovaniya i perevody iz pozdneantichnoy i vizantiyskoy literatury* [Studies and translations from Late Antique and Byzantine literature]. Moscow.
- Смыка, О.В.: *Исследования и переводы из позднеантичной и византийской литературы*. М.
- Smyka, O.V. 2023b: *Perevody. Chernoviki perevodov* [Translations. Rough copies of translations]. Moscow.
- Смыка, О.В.: *Переводы. Черновики переводов*. М.
- Surikov, I.E. 2013: "Gellespont burnotechnyy" (Proliv mezhdu Egeidoy i Propontidoy i ego rol' v antichnoy istorii) ["The rapidly flowing Hellespont" (The strait between the Aegean and the Propontis and its role in ancient history)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Journal of historical, philological and cultural studies] 4 (42), 3–44.
- Суриков, И.Е.: «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгейдой и Пропонтидой и его роль в античной истории). *ПИФК* 4 (42), 3–44.
- Surikov, I.E. 2017: *Gomer* [Homer]. Moscow.
- Суриков, И.Е.: *Гомер*. М.
- Surikov, I.E. 2018: Posle Gnedicha (po povodu knigi: Gomer v perevode P.A. Shuyskogo / Pod obshchey red. I.A. Letovoy. Ekaterinburg, 2017) [After Gnedich (apropos of the book: Homer in P.A. Shuyskiy's translation / Under general ed. of I.A. Letova. Ekaterinburg, 2017)]. *Studia historica* 16, 206–223.
- Суриков, И.Е.: После Гнедича (по поводу книги: Гомер в переводе П.А. Шуйского / Под общей ред. И.А. Летовой. Екатеринбург, 2017). *Studia historica* 16, 206–223.
- Surikov, I.E. 2020: Tri rannikh istorika: Akusilay Argoskiy, Kharon Lampsakskiy, Damast Sigeyskiy (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy) [Three early historians: Acusilaus of Argos, Charon of Lampsacus, Damastes of Sigeum (translated from Greek and commented)]. *Aristey* [Aristeas] 22, 166–211.
- Суриков, И.Е.: Три ранних историка: Акусилаи Аргосский, Харон Лампсакский, Дамаст Сигейский (перевод с древнегреческого и комментарий). *Аристей* 22, 166–211.
- Surikov, I.E. 2021: Ferekid Afinskiy. Istorii (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy) [Pherecydes of Athens. Histories (translated from Greek and commented)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 81/2, 539–568; 82/3, 797–828.
- <https://doi.org/10.31857/S032103910016269-8>
- Суриков, И.Е.: Ферекид Афинский. Истории (перевод с древнегреческого и комментарий). *ВДИ* 81/2, 539–568; 82/3, 797–828.
- Surikov, I.E. 2022: Gellanik Lesboskiy. Fragmenty (perevod s drevnegrecheskogo i kommentariy) [Hellanicus of Lesbos. Fragments (translated from Greek and commented)]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of ancient history] 82/1, 231–251; 82/2, 512–533; 82/3, 761–784. <https://doi.org/10.31857/S032103910014690-2>
- Суриков, И.Е.: Гелланик Лесбосский. Фрагменты (перевод с древнегреческого и комментарий). *ВДИ* 82/1, 231–251; 82/2, 512–533; 82/3, 761–784.
- Teperik, T.F. 2023: Poetika ody i poetika perevoda: Goratsiy v perevode O.V. Smyki [Poetics of ode and poetics of translation: Horace in O.V. Smyka's translation]. In: I.A. Ladynin, A.F. Safronov (eds.),

Vserossiyskayanauchnayakonferentsia "XXII Sergeevskie chteniya". Sbornik tezisev [All-Russia scientific conference "XXII Sergeev readings". A collection of theses]. Moscow, 60.

Теперик, Т.Ф.: Поэтика оды и поэтика перевода: Гораций в переводе О.В. Смыки. В кн.: И.А. Ладынин, А.В. Сафронов (ред.), *Всероссийская научная конференция «XXII Сергеевские чтения». Сборник тезисов.* М., 60.

Tsagalis, C. 2016: The Gods in Cyclic Epic. In: J.J. Clauss, M. Cuypers, A. Kahane (eds.), *The Gods of Greek Hexameter Poetry: From the Archaic Age to Late Antiquity and Beyond.* Stuttgart, 95–117.

Zakharova, A.V. 2021: Ob istorii knigi [On the book's history]. In: A.V. Zakharova (ed.), *Daret Frigiyskiy. Istoriya o razrushenii Troi [Dares Phrygius. The history of Troy's destruction].* Saint Petersburg, 7–73.

Захарова, А.В.: Об истории книги. В кн.: А.В. Захарова (ред.), *Дарет Фригийский. История о разрушении Трои.* СПб., 7–73.

